

Просто песок

Заполярный поселок Шойна на берегу полуострова Канин — самая северная в мире пустыня. Когда-то рыболовецкие суда тралами содрали придонный ил, и на поселок пошел морской песок. За последние годы песчаные дюны засыпали больше 20 домов.

На месте дома
Наташи Широких
видны только
почерневшие балки
крыши

Остатки шойнинского
флота

Маячник Алексей
Шишелов и его линза

Шойна, которой нет

«Мне всё дом старый снится, всё маму вижу. Она как умерла — мы с сыном сразу и переехали».

Последний год в старый дом метеоролог Наташа Широких заходила через чердак: вырезала в крыше люк, поставила стремянку. Получилось удобно: вылез из люка сразу на землю — и пошел. «Самое плохое — мама парализованная была, как ее через чердак вынесешь? Лежит, окна заколочены, словно в могиле. И врач к нам ходить отказывался: что я вам, говорит, Карлсон?»

Перебираться в другой дом решили, когда у соседей Ермолиных в одну ночь занесло гараж и дровяной сарай. Дрова-то ладно, а когда в гараж лезли, непонятно было: то ли мотоцикл спасут, то ли самих задавит. «Мы едва последние вещи из дома вынесли. Ветер подул — и даже крыша под песком скрылась, — говорит Наташа. — Словно нас ждало».

...В 30-е дома будущей Шойны ставили прямо в тундре, на мхах. Песок появился позже, но особенно не мешал: наметал дюну на берегу за поселком, шуршал под мостовыми, забивался в ботинки. Вскоре в Белом море у берега Шойны обнаружили большие запасы промысловых рыб. В поселке построили крупный консервный завод, три огромных морских причала, кирпичный завод, бараки для двух тысяч рабочих.

— А как тут в войну жили? — спрашиваю местную жительницу Евдокию Степановну.

— Да хорошо жили: зимой — камбала, летом — навага.

У большинства рыбаков была бронь, единственный доброволец шел пешком на призывной пункт в Архангельск. Бомбоубежище вырыли под большим песчаным барханом. Авианалеты шли часто, но зажигательные бомбы падали в песок, гасли — и не взрывались.

Благополучие кончилось в 50-е. Белое море закрыли для рыболовства, кирпич стало выгоднее возить из Архангельска, рабочие разъехались. И на поселок пошел песок.

Первыми занесло три стоявших на побережье дома смотрителей маяка. Посреди пришедшей с моря дюны долго еще виднелась покосившаяся труба.

Второй накрыло «татарскую усадьбу» — два крепких дома слева от маяка. Потом песчаная гора слизнула заброшенную воинскую часть, свиноферму, пекарню, дом Ардеевых, старые хранилища рыбы, баню, рассыпалась по дровяным сараям, проглотила два озера — и пошла на жилые дома.

После смены Наташа ведет меня смотреть Шойну, которой нет. От нынешнего дома до старого — 10 минут ходьбы. Справа жили Козьмины, Широких и Качеговы — их еще до Наташи засыпало. Слева — новая баня, стоит на крыше занесенного дома. Впереди — казарма воинской части. Ее занесло, когда Наташа еще в школе училась: «Мы эту часть «берегом» называли. Ее потом в тундру перенесли, но все по привычке так и говорят: у военных, на берегу». Дальше начинаются двухэтажные жилые дома: «Их уже ветром обдуло, а прошлый год до второго этажа под песком были».

По словам Наташи, особенно быстро дома стало заносить в 80-е, «когда вся эта перестройка началась». А в 90-е мир стал трещать и разваливаться: перестали ходить суда, по четыре месяца не платили зарплату, кончились продукты в единственном магазине. И дюны пошли на поселок прямо на глазах. «Как будто почувствовали», — говорит Наташа.

Теперь на месте Наташиного дома видны почерневшие балки крыши: «Прошлый год выдуло». Дальше — только песок и кусты осоки. Наташа долго считает, скользая взглядом по песчаным холмам, сбиваясь и начиная сначала. Оказывается, под песком осталось больше 20 домов.

Холодно, зябко, ветер несет колючую поземку, Наташа вытирает глаза от пыли.

— Словно всё уходит в небытие, — говорит она, и я понимаю, что Наташа давно уже плачет.

Шойнинский коммунизм

Шойна — самый край полуострова Канин. Три часа лета от Архангельска или Нарьян-Мара, 150 км к северу от полярного круга, зато позади поселка — Белое море, и прямо за околлицей — рыжая по осени тундра. Медведи в эти места не заходят, зато куропатки выпрыгивают прямо из-под ног, воля, как подгулявшие мужики.

Официально в Шойне 375 жителей, на деле — человек 200. В Шойне есть детский сад, школа, интернат для детей из окрестных сел, фельдшерский пункт, два магазина (просто «Магазин» и «Элегия»), Дом культуры с дискотеками по субботам и библиотека с собраниями сочинений Дарьи Донцовой и Льва Толстого.

Безработицы в поселке практически нет, и, если не пить, место слесаря или кочегара можно найти всегда. Впрочем, если не пить, жить в Шойне можно без денег. Коммунальных платежей нет, уголь для кочегарок собирают на берегу, где разгружаются баржи с углем для соседней воинской части.

Сентябрь для Шойны месяц хороший. Еще светло днем, не лег снег и не начались ветра. Деньги закончились в отпусках, и никто не уходит в запой. Уже отошла морошка (в этом году в магазинах ее принимали по 380 рублей за кило), но покраснела брусника, в тундре полно черники и грибов. Когда рыбаки встряхивают сети, камбалы сыпятся на песок, как листья в осеннем парке. Гуси отъелись за лето, и холодильники в каждом доме забиты дичью.

Раньше деньги вообще падали с неба: вокруг поселка приземлялись ступени от запускаемых на космодроме Плесецк ракет. Ступени собирали, из оболочки делали сани-волокуши, остальное сдавали в цветмет. В последние годы ракеты пропали. Экономический кризис, поняли шойнинцы, и переключились на сбор морошки.

Я долго хожу вокруг кусков металла с надписью: «Заземление». Сваленные кучей около угольного сарая, обломки ракет кажутся следами ушедшей цивилизации. Зато волокуши из них получаются отличные: легкие, прочные и не обледеневают.

Западный ветер

Хуже всего в Шойне, когда дует западный ветер. Летит с моря, взвивает поземку, ударяет в лицо. На метеостанции так и записывают: поземка (песок) или поземка (снег).

Почему появился песок, не знает никто. По одной из версий, в золотой век Шойны рыбаки тралами содрали донный ил, и не сдерживаемый больше морской песок вышел на берег. По другой, вездеходы, лошади и коровы уничтожили в поселке всю траву, освободив находящиеся под ней пески.

Ходить по песку тяжело. Ноги проваливаются и вязнут, в ботинках хрустит, дыхание сбивается. Выходя из дома, дважды подумаешь, нужно ли тебе идти.

С севера вдоль поселка проходит река Шойна. Сейчас вдоль берега свалены полусгнившие остовы бывшего рыболовецкого флота, а раньше на этом месте стояла целая улица. В шторма ее постоянно заливало («Выйдешь с танцев — а крыльцо клуба уже в воде»), а в одну ноябрьскую ночь смыло штормом: и консервный завод, и клуб, и жилые дома.

Про дома, ушедшие в реку, в Шойне рассказывают иначе, чем про те, что лежат под песком. Про воду люди говорят, словно гордятся: стихия. А про песок — спокойно. Просто — песок.

Полосатые сопки

С утра трактор откапывает от песка фельдшерско-акушерский пункт (ФАП), занесенный по середину оконных рам. Посмотреть на работу приходят три мужика и две собаки, рассаживаются у сарая. Ветер холодный, ревет трактор, рассыпаются горы серого песка. За полтора часа трактор сбивает прислоненные к стене ФАПа доски, едва не сносит полдома и превращает огромную ровную сопку в огромную полосатую сопку. Мужики у сарая выкуривают пачку «Арктики», перетирают за «А ну как ФАП под трактором навернется?» и переключаются на обсуждение какого-то Миши. Собаки и вовсе спят.

Тракторист Саша Андреев работу свою крепко не любит. «Одних откапываешь — вторые ругаются», — объясняет он.

Учитывая стоимость заполярной солярки, час работы трактора стоит 2550 рублей. Раскапывать занесенный по пояс дом надо часов 10, позволить себе такое не может никто, а сельсовет оплачивает 40 часов в месяц.

В ноябре Саша выходит на пенсию, замены ему пока нет. Молодежь, говорит Саша, в трактористы не идет: «Они больше по дизельным и кочегаркам, где теплее». Большой трактор для раскопки песка в Шойне один и возрастом с Сашу. «Ездит потихонечку, — нежно говорит Саша. — Но и он не выдерживает, ломается. А с лопатой куда против стихии? Хрен».

— А если забор вокруг дома поставить?

— Да хрен его знает, — пожимает плечами Саша. — Никто и не пробовал.

Сезон раскопки домов — осень. Подмерзший песок не так раздувает ветром, а летом весь Сашин труд замечает за день или два.

— Обидно, наверное? — спрашиваю Сашу.

— Да хрен его знает, — говорит он.

Аэропорт

— Во-он, Ефимыч, смотри, летят! Уже в створ полосы вошли. Ветер слабый, видимость хорошая. Ну что, Ефимыч, разрешаем гусям посадку? Жирные какие! Пойду за ружьем схожу.

Аэропорт «Шойна» — бревенчатый синий домик за бывшими холодильниками рыбозавода, по пояс залитыми грунтовой водой.

Когда-то на месте взлетной полосы были озера, потом с берега пришли дюны, и озера накрыло песком. Теперь после дождя на полосе появляются большие лужи, по которым на мотоциклах весело носится молодежь.

— Ефимыч, глянь, они по центру полосы ездят — там и колея, — директор аэропорта Саша Пестов мрачно глядит в окно аэропорта. — А по бокам кочки и травой заросло.

— А ты скажи, чтобы они по бокам ездили, траву-то и вытопчут, — предлагает Ефимыч.

— Да ну, лучше вообще запретить, — тянет Саша, но по тону понятно: не запретит.

Сейчас Саша в отпуске, заменяет его Григорий Ефимыч, бывший пилот. Раз в неделю, по средам, Ефимыч надевает летный костюм с медалями и идет встречать Ан-2 из Архангельска и Нарьян-Мара — единственную связь поселка с Большой землей. Белые Ан-2 по очереди плюхаются в грязь, подпрыгивают и несутся, взмывая песок. Поселковые псы с лаем бросаются вслед, но быстро отстают и обиженно гавкают позади. В прошлом году одна тоже повадилась самолеты гонять, ворчат старики, так винтом голову и снесло.

К самолетам устремляется полпоселка: передать на материк ведро рыбы, получить кулек огурцов, поглазеть, кого принесло. Другого транспорта нет: прокладывать дорогу по тундре ради шойнинцев никто не станет, а пассажирское судоходство закончилось еще в 90-е.

Ефимыч вообще уверен, что в 90-е закончилось всё хорошее: и судоходство, и рейсы по всему Заполярью, и северное снабжение, и Советский Союз.

— А у вас в аэропорту что, даже приводов (приводная радиостанция для захода самолетов на посадку) нет? — пытаюсь я вернуть Ефимыча к профессиональным делам.

— У нас страна развалилась, а ты хочешь, чтоб привода остались! — возмущается он.

Расстояния в Шойне измеряют в минутах полета. До больницы — час двадцать, до аптеки — 45 минут, до милиции и погранслужбы — три часа. Вообще-то Шойна считается погранзоной, но от режима на ней — только страшная надпись на бревенчатом боку аэропорта: «Attention! Zone of the border control!» («Внимание! Зона пограничного контроля!») В Шойне надпись никого не пугает, поскольку прочесть ее никто не может. Сегодня, правда, прилетает новая учительница английского. Может, хоть она прочтет.

Закрытый мир

Днем Ефимыч выбегает из аэропорта прямо без пиджака. «Шереметьево», ну просто «Шереметьево!» — притворно возмущается он и бежит встречать вертолет. К 1 сентября вертушка привезла в шойнинский интернат 30 детей из окрестных сел. В поселке волнение, в школе — ажиотаж. Главный вопрос: как сделать так, чтобы дети приехали трезвые, а если не трезвые, то чтобы до интерната дошли на своих двоих?

— А кто у них пьяный? — удивляюсь я.

— Да кто у них не пьяный?! — удивляется молодежь.

Обратно дети улетят только в мае. Весной и осенью в деревнях «распута», и вертолету не сесть. «А в Новый год им лучше домой не попадать, — говорит директор школы Татьяна Павловна Широкая. — Там ведь мы не поможем. Местных-то, если что, забираем в интернат, приводим маму в чувство — и отводим детей домой. Потому что это обычно матери-одиночки. Такого, чтобы семьями, у нас давно не было».

Чего «такого», директор не объясняет. И так ясно.

После школы дети чаще всего поступают в техникумы на материке. Заканчивают их, говорит директор, немногие: «Шойна — закрытый мир, в городах другие правила и слишком много соблазнов». После учебы в поселок возвращается больше половины детей.

Старое кладбище

Новую учительницу английского поселили в двухэтажном доме на краю поселка.

— Так его ж заносит совсем, как она отрываться-то будет? — переживает библиотекарь Нина Никандровна.

— Все отрываются — и она будет, — отрезает сосед Владимир Николаевич. — Чего б ей не отрываться?!

Сам Владимир Николаевич накопил на пару часов работы трактора, хватило только, чтобы оторвать окна, на стеклах все еще виден след от песка. Соседние окна того же дома уходят в бархан почти целиком.

— Что ж вы соседей не отрыли? — спрашиваю я.

— Точилиных-то? Да каждый сам отрывается.

— А они почему не отрылись?

— Так померли они уже.

Старое кладбище — к югу от поселка, чуть в стороне. Лет 30 назад его завалила первая из пришедших с моря песчаных волн: погребла могилы, замела доверху кресты. Хоронить стали поверх, прямо в песке. И тут сопка начала уходить.

Из-под песка показались вскрытые, раскуроченные гробы, поваленные кресты, разбросанные скелеты. Только год назад возвращенные песком кости перенесли на новое кладбище далеко в тундру.

На старое кладбище скатываюсь прямо с пятиметровой горы песка. Обнаруживаю несколько покосившихся, выбеленных непогодой крестов, сваленные кучей ржавые могильные ограды, череп с заметенными песком глазницами, выдутые из могил, разбросанные по песку человеческие кости. И поворачиваю назад.

Нехороший дом

В субботу в поселок пришли ненцы-кочевники, поставили перед «Элегией» олени упряжки и ушли сдавать морошку. Вблизи олени оказались тощими, обшарпанными и снулыми, так что сразу было понятно, что их пасут, погоняют и даже едят. Положив на песок тяжелые головы, они устало вздыхали, раздувая мокрые ноздри. Рядом с оленями крутилась маленькая ненецкая девочка с маленькой лохматой собачкой. Собачка была толстой, ухоженной и лоснящейся, так что сразу становилось понятно, кто здесь домашний любимец, а кто — ездовая скотина.

Вообще приезжие в Шойну зачастили. Сначала были киношники, потом телевизионщики (так что теперь шойнинцы недовольно говорят: «Наша Шойна в телевизоре чаще, чем ваша Москва»), потом китайцы. Прилетали на частном вертолете скупать олени рога, якобы на лекарства. Хотя Лена Копырина уверена: рога — просто предлог.

— В 2012 году — конец света, вот китайцы и ищут, где поселиться, чтобы потопом не смыло.

— А Шойну не смое?

— Да как не смое, с трех сторон же вода!

— Тогда зачем они приезжали?

— Так они же китайцы!

Дом Лены Копыриной — крайний от маяка. Раньше позади был еще десяток домиков, но их давно засыпало, а Ленин вроде стоит. Летом песок заметает дом по пояс, зимой из-под песка и снега торчит только труба. «Мы как-то проснулись — а крыша ходуном ходит, — вспоминает Лена. — Оказалось, снегоход проехал, не заметил, что здесь дом».

Отрываться Лена не собирается: не на что, да и незачем, все равно дом прямо под сопками. Соседнему дому повезло больше, его заносит только по окна. Сейчас он пустой, а еще недавно жила семья. Первым погиб сын: поехал на охоту, схватил «белочку», да и ткнул себя ножиком в грудь. «Мы его в санях положили, вроде целый. Через полчаса смотрим: а он холодный. Ну думаем: а чтой-то он холодный?!» — объясняли мне мужики. Следом за сыном ушли и родители, никто уж не помнит, из-за чего.

— Нехороший какой-то дом, — говорю я.

— Да не, — пожимает плечами Лена. — Обычный.

Из окна нехорошего дома виден кусочек неба, косые столбы с провисшими проводами. В жилых домах засыпанные окна заколачивают, а здесь некому. Песок между рамами лежит ровный, сухой и плотный, как в песочных часах.

37 функций

Нельзя сказать, что Шойна находится в стороне от политической жизни. Перед выборами в Госдуму приезжал депутат от Ненецкого автономного округа Артур Чилингаров, пообещал новые дома. Наташа Широких хотела было показать старые, но через люк в крыше депутат не полез: «Если я посмотрю, как вы живете, вы от этого лучше жить не станете», — до сих пор вспоминает Наташа.

Губернатор округа Владимир Бутов привез саженцы деревьев, посадил на сопках, чтобы остановить песок. Саженцы, конечно, не прижились (они в тундре не приживаются и без песка), зато самого Бутова через пару лет чуть не посадили по шести уголовным делам (губернаторы в СИЗО не приживаются тоже: ни одно из дел до суда не дошло).

Политическая жизнь в самой Шойне бурная и непредсказуемая, не хуже, чем в США. На прошлых выборах в сельсовет избирателей было 240, кандидатов — целых четыре. Аэролог Исупов консолидировал оппозицию (пара метеорологов и часть молодежи), зато тракторист Пятибратов использовал административный ресурс (бесплатно откапывал дома избирателей из песка).

Но главная борьба развернулась между кланом Семеновичей — Владимиром и Николаем Коткиными. Николай оказался главой поселкового отделения «Единой России», зато беспартийный Владимир договорился, чтобы в «Элегии» избирателям водку продавали в кредит.

Победил Владимир по причинам, так сказать, генетическим. Николай, хоть и партиец, похож на маму. Она работала школьной учительницей, и пол-Шойны ее боялись. Зато Владимир, объясняют в поселке, пошел в папу, того в поселке любили. «Да и сам он человек обходительный, — говорит местная Серафима Яковлевна. — Не орет никогда и не матюгается».

В сельсовете Владимир Коткин (для местных — Семеныч) сидит уже второй срок. За это время он подсчитал: функций у сельской администрации — 37; 10 из них — абсурдны. «Потому что если идет указ Генпрокуратуры проверить готовность населенных пунктов к лесным пожарам, — вежливо объясняет Коткин, — то копать траншеи для защиты от огня нужно даже там, где до ближайшего леса 400 километров».

Послушать Семеныча полезно, чтобы понять абсурдность того, как вообще устроена российская власть. К примеру, в рамках борьбы с терроризмом сельсовет должен разработать инструкции для руководителей предприятий. Предприятий в Шойне почти нет, но, рассматривая инструкции, смеялась вся дизельная.

— Или у вас в Москве еще вопрос борьбы с коррупцией очень модный, — аккуратно говорит Владимир Семенович. — Очень способствует продуктивной работе.

По федеральному закону любой госзаказ объемом больше 100 тысяч рублей в месяц должен быть выставлен на тендер. Сто тысяч — это 40 часов работы трактора или примерно четыре выкопанных из песка дома. Выставить раскопку домов на тендер можно, только трактор в Шойне всего один. Да и как, спрашивает Семеныч, обозначить в заявке на тендер откапывание домов от песка?

— Уборка улиц? — тупо предполагаю я.

— Почти. Мы называем это «Благоустройство территории».

Дальше сельсовет обязан объяснить, почему благоустройство территории, которое по всей остальной стране обходится в стоимость веника и зарплату таджиков, в Шойне требует 2550 рублей в час. Затем обосновать, зачем для благоустройства трактор, тонны солянки, сотни часов и целый высококвалифицированный и непьющий тракторист Саша, и затем заверить всё это в федеральном Комитете по тарифам. В ином случае Семенычу светит популярная, но неприятная статья о нецелевом использовании бюджетных средств. Результат: трактор стоит, дома заносит.

— Хотя я понимаю, не будут же они ради одного поселка новый закон придумывать, — говорит Семеныч, и по голосу ясно: не понимает.

Маяк

Пока мы с бывшим смотрителем маяка Алексеем Шишеловым карабкаемся по темной винтовой лестнице на 33 метра вверх, на поселок беззвучно опускается тяжелый влажный туман. Разбросанные в огромной песочнице дома словно накрывает большая овечья шкура, серый песок сливается с серым морем, и мир вокруг становится необитаемым.

Шойна — место, начисто лишенное символов. Здесь нет ничего, что было бы больше себя самого, говорило бы о другой жизни и давало бы выход во внешний мир. Если не считать маяка.

Когда стоишь на продуваемой ветрами площадке наверху маяка, кажется, что не аэропорт, не причал, а именно маяк — единственный символ большого мира и соединенности Шойны с ним.

На самом деле маяка в Шойне больше нет. Два года назад в Москве решили, что навигация у берегов Канина мала, все суда уже оснащены GPS, и маяк можно закрыть.

50 лет до того на желтый огонь шойнинского маяка шли местные рыбаки, баржи с провизией, ненцы-кочевники, потерявшиеся полярной ночью охотники — все те, для кого слово «джи-пи-эс» — пустой звук.

Маяк отремонтировали незадолго до закрытия, в 2008-м. По программе поддержки экологии Белого моря норвежцы купили для всех наших маяков новые аккумуляторы и генераторы. Шойнинскому досталась еще и линза.

Линза похожа на огромный переливающийся бриллиант. Она фокусирует свет так, что тот падает острыми тонкими лучами, расходится на 60 километров и кажется ярко-желтым, теплым, пронизывающим темноту. Светила она всего год.

В октябре 2009-го Алексей Шишелов с женой, тоже смотрителем маяка, получили уведомление об увольнении. Однако приказа выключать маяк не было, решили Шишеловы. И продолжили работать.

Закрывать маяк приехали только на следующий год. Как вспоминает Алексей, прибывшие за маячным имуществом военные вырвали кабели генератора, слили электролит из батареи и предложили вытащить генератор из здания, проломив трактором стену.

— А про линзу они просто сказали: сбросим сверху — и хрен с ней, скажем — везли, разбили, — вспоминает Шишелов. — Ну тут мы немножечко как бы и в рукопашную...

В общем, линзу маячники отстояли.

Последние два года маяк тихо разрушается: облетела штукатурка, проржавели металлические перила, на дверях — следы монтировки. Всё, что могут, бывшие маячники чинят сами и строят планы восстановления маяка.

Маяк освещался обычной лампочкой 500 ватт. Энергию к ней можно подвести от поселкового генератора, отремонтировать своими силами, лампочки окупать, водя на экскурсии туристов. Вот только маяк принадлежит военным. И те, увидев спрос, предложат его выкупать.

Я долго уговариваю Владимира Коткина собрать подписи шойнинцев за восстановление маяка, напечатать открытое письмо и послать в Министерство обороны прошение безвозмездно передать маяк поселковой администрации.

Семеныч невозмутимо кивает. По закону маяк — объект федерального уровня. Если сельсовет возьмет его на баланс, Семенычу будет светить всё та же статья за нецелевое использование бюджета.

Цепляться за жизнь

В 1999 году в Шойне снимали большой документальный фильм «Занесенные ветром».

— Там вся молодежь наша снималась, — вспоминает Наташа. — Только их в живых уж никого нет.

Вместе считаем: трое утонули на рыбалке, трое сгорели в бане. «Двух внутри нашли, одного в тамбуре: он из огня вышел — а потом обратно зашел». Один застрелился на охоте: «То ли с горя, то ли спьяну», один разбился на мотоцикле, не справившись с управлением на песке. В общем, до пенсии из мужчин не доживает почти никто, а пенсия в Заполярье — в 55 лет.

...Много лет в Шойне вообще не было травы. А недавно появилась: высокие плотные колосья, похожие на овес. Местные было обрадовались, а потом заметили: раньше дюны свободно несло по поселку. Теперь же кусты колосьев задерживают песок, он наматывает на них небольшой бархан, новые колосья прорастают поверх него, бархан делается выше — и уже никуда не уйдет.

Корни колосьев на два метра уходят в песок, выкорчевать их может лишь трактор. Кочек с колосьями становится все больше. И они крепко цепляются за жизнь.

Я неделю брожу по Шойне, заглядываю в засыпанные окна, заслоняюсь от колючей поземки, скатываюсь с высоких дюн. Мне хочется одушевить песок, наделить собственной волей, передать ощущение внешнего врага, которому человек понемногу проигрывает битву за жизненное пространство. Песка, которым осыпаются

несбывшиеся желания и нереализованные чувства. Субстанцию времени, в которую падают намерения и планы. Но потом думаю: зачем? Это просто песок.

Автор: Елена Рачева © Новая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 5915 12.10.2011, 08:31 📌 871
URL: <https://babr24.com/?ADE=98499> Bytes: 25353 / 23752 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Елена Рачева**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)